

Лексикализация рефлексива в нахско-дагестанских языках: от местоимения к союзу / частице

Айгуль Наилевна Закирова¹
aigul.n.zakirova@gmail.com

Тимур Анатольевич Майсак^{1,2}
timur.maisak@gmail.com

¹ НИУ ВШЭ, ² Институт языкознания РАН

Для нахско-дагестанских языков типично наличие специальных рефлексивных местоимений третьего лица, функционирование которых, однако, не ограничивается собственно рефлексивными контекстами. Те же местоимения, как правило, выступают в роли интенсификаторов, в логофорической функции (в конструкциях передачи речи), в качестве резюмptивов (в относительных конструкциях), а иногда и в роли анафорических средств (в частности, связанных с обозначением «фокуса эмпатии»).

В литературе широко рассматриваются рефлексивные контексты употребления таких местоимений, а также использование рефлексивов как интенсификаторов (ср. [Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002])¹. Прочие функции местоимений этого типа изучены хуже. В нашем докладе мы остановимся на одном типе развития рефлексивов, который ранее не становился объектом специального рассмотрения, — превращение в союз или частицу с противительным («но, однако») и рестриктивным («только») значением. Судя по отсутствию упоминаний в дагестановедческой и типологической литературе, это скорее редкий путь развития. Нам известны лишь два примера, относящиеся к двум не близкородственным языкам семьи, — рутульскому (лезгинская группа) и андийскому (аваро-андийская группа). Мы предполагаем, что в обоих случаях развитие союза или частицы связано с функцией исходного местоимения как интенсификатора.

В рутульском языке (мухадский диалект) рефлексивное местоимение имеет основу, изменяемую по родам (классам), падежам и числам, ср. формы абсолютива ед.ч. 1–4 классов *выдж, ридж, видж, йидж*. В качестве «противительного союза» *йидж* (форма, совпадающая с рефлексивом 4-го класса) упоминается в очерке [Махмудова 2001: 207], ср. один из приводимых автором примеров (1).

(1) рутульский (мухадский диалект) [Махмудова 2001: 197]²

anuc-a jiw-a ražekim liž iw)i-r-i,

Ануц-ERG семь-MULT раз жребий <3>вбрасывать.PFV-CVB-COP

již sada-ki iwi(b)q'i-r-diš

однако однажды-ADD <3>выигрывать.PFV-CVB-COP.NEG

‘Ануц семь раз участвовала в жеребьевке, однако ни разу не выиграла.’

В текстовых источниках находятся и другие примеры использования «лексикализованного» рефлексива, причем в аналогичных контекстах: в начале финитной клаузы, которая находится с предыдущей в отношениях противопоставления. По нашему мнению, источником подобного развития могло послужить дискурсивное употребление интенсификатора, связанное с возвращением в топикальную позицию имени выделенного участника (см. обсуждение в [Лютикова 2002: 29–41; Янко 2001: 295–303]). При-

¹ Так, в работе [Лютикова 2002] выделяются следующие приименные типы употребления интенсификаторов: добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное.

² Транскрипция и глоссы модифицированы, перевод дан как в оригинале.

мером такого употребления может служить (2) из текста сказки, где использован рефлексив мужского рода.

- (2) рутульский (мухадский диалект) [Алиева 2013, текст 87]³
tigu^ε-biš-e   *mi-nij-di*   *χal-i-s*   *c'ij*   *riχi^ε-re*,
 сельчанин-OBL.NPL-ERG   этот-OBL.N-ATTR   дом-OBL-DAT   огонь   4.бить.IPFV-CVB
wiž   *jiq'-e*   *ž-iṛ-r*   *salta-r-a*
 1.сам   убивать-PER   NEG-1.делать.PFV-CVB   1.оставлять.IPFV-CVB-BE
 ‘Аульчане [всё же] подожгли его дом, но самого оставили в живых.’

В андийском языке рефлексивное местоимение также изменяется по классам и числам, ср. формы абсолютива ед.ч. 1–5 классов *живгу*, *жийгу*, *жибгу*, *жибгу*, *жиргу*. На первый взгляд, для андийского можно постулировать тот же путь развития, что и для рутульского, так как в нем рефлексивное местоимение употребляется в контекстах противопоставления, аналогичных (1), и в контекстах смены топика, аналогичных (2). Однако в андийском выделяется еще один класс употреблений местоимения *жибгу*: это рестриктивные употребления типа (3). В (3) рестриктивный оператор берет в свою сферу действия целый речевой акт: у говорящего есть только одно пожелание к адресату.

- (3) андийский (андийский диалект) [Магомедова, Алисултанова 2010]⁴
j-ilo-m,   *zi-b=gu*   *homolokada-tʃu*   *soru-k:u*
 F-идти-IMP   сам-INAN1=INT   друг.PL.OBL-CONT   вместе-EL
tann-ja-lł:i-j   *maf:qχil*   *ih-o*.
 рваться-PTCP.IPFV-OBL-DAT   возможность   делать-IMP
 ‘Иди, только смотри от подружек не отставай’.

Можно предположить, что рестриктивное употребление *жибгу* в андийском развилось из контрастивного (4), в толковании которого имеется 1) пресуппозиция, что X является наименее правдоподобным участником события, 2) ассерция, что X и только X оказался участником события. При этом в самом примере (3) *жибгу*, модифицирующее целый речевой акт, оказывается функционально близким к противительному союзу. Таким образом, и рестриктивное, и противительное употребление *жибгу* в андийском оказывается возможным возвести к *сам* контрастивному.

- (4) андийский (зиловский диалект) [корпус текстов]
herbihi   *he-ge-w*   *zi-w=gu=vodi*   *w-uʔonni-j*
 тогда   DEM-LL-M   сам-M=INT=REP   M-уйти-PRF
 {Царь влюбился в простую девушку, и нельзя было отправить никого свататься.}
 ‘Тогда он сам пошёл’.

В докладе мы рассмотрим выявленные пути развития подробнее.

Литература

Алиева Ф. А. (сост.). Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 3. Бытовые сказки. М.: Наука, 2013.

Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

³ Транскрипция модифицирована, глоссы добавлены, перевод дан как в оригинале.

⁴ Глоссы и перевод добавлены.

Магомедова П. А. (ред.), Алисултанова М. А. (пер.). Дунялла бахуннирсси халгъгъиллѠл гъгъванабол гъгъванаб мицѠиллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке). Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М.: ИЯз РАН, 2001.

Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. №. 3. С. 35–57.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.